

УДК 821.111
DOI 10.52452/3033-7771.2026.1(1).4

**СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ
Г. ШТЕЙНГАРТА «АБСУРДИСТАН»**

© 2026

Ю.В. Стулов

Стулов Юрий Викторович, кандидат филологических наук, доцент. Председатель Правления Общественного объединения «Общество американских исследований» (Минск, Республика Беларусь). До 2021 г. зав. кафедрой зарубежной литературы Минского государственного лингвистического университета. ORCID: 0000-0001-6395-2170; e-mail: yustulov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 07.02.2026

Статья принята к публикации: 17.02.2026

В статье ставится цель исследовать принципы изображения пространства постсоветской России и вымышленного государства Абсурдистан через призму восприятия центрального героя, Миши Вайнберга. Роман написан американским писателем Гари Штейнгартом, выходцем из СССР, который стал одним из родоначальников американской русско-еврейской литературы, создаваемой на английском языке, продолжив традицию т.н. «транслингвистических» писателей, т. е. авторов, пишущих на приобретенном языке. Для него, как и для его героев, характерна культурная гибридность, включающая в себя еврейскую, русскую и американскую составляющие идентичности. В своем творчестве он обращается к судьбам русско-еврейских эмигрантов, волею судьбы оказавшихся в других странах. В статье делается попытка проследить, как при помощи культурно-исторического и биографического методов исследования и метода пристального прочтения можно обнаружить в творчестве писателя переплетение различных культурных кодов, отсылок к советскому прошлому и «ностальгию по настоящему», что ведет к воспроизведению американских стереотипов об СССР и советских стереотипов об Америке, которые продолжают функционировать в сознании людей даже после распада СССР. В результате исследования делается вывод, что, сочетая сарказм, гротеск, жалость по отношению к людям, оказавшимся на обочине жизни в противоположность мошенникам, воспользовавшимся ситуацией распада СССР, Штейнгарт создает политический сатирический приключенческий

-роман, обращенный к сложным проблемам современного мира, раздираемого противоречиями.

Ключевые слова: американская русско-еврейская литература, Гари Штейнгарт, культурная гибридность, транслингвистический писатель, идентичность.

Введение

Роман «Абсурдистан» («Absurdistan», 2006) американского писателя российского происхождения Гари Штейнгарта (Гэри, Gary Shteyngart, Игорь Семенович Штейнгарт) во многом отражает идеологическую позицию и писательскую стратегию транслингвистического писателя, который творит не на родном языке, а на т.н. приобретенном языке (в данном случае английском), который он освоил, эмигрировав с родителями из Ленинграда в семилетнем возрасте в 1972 году. Под термином «транслингвистический писатель» понимается автор, который пишет на более, чем одном языке, когда этот язык иной, а не первичный»¹ [1, p. 9]. Родители его происходят из интеллигентной еврейской семьи, которые на протяжении всей жизни в СССР не могли не чувствовать дискриминацию в связи со своим происхождением, что впоследствии нашло отражение в его творчестве. Штейнгарт получил хорошее образование в США, окончив знаменитый Оберлинский колледж и пройдя специализацию по творческому письму в Нью-Йоркском университете. В дипломной работе в колледже он исследовал судьбы бывших советских республик Молдавии, Грузии и Таджикистана, что позднее отразится в романе «Абсурдистан». Первый же роман «Приключения русского дебютанта» («The Russian Debutante's Handbook», 2002) принес ему известность и ряд литературных премий (премию Стивена Крейна за лучший первый роман, премию клуба «Книга месяца», национальную еврейскую книжную премию) и положил начало успешной писательской карьере. По мнению известного американского литературоведа, профессора Гарвардского университета С. Сандеровича, книга «стала началом новой «русской» волны американской еврейской литературы» [2, p. 125].

К настоящему времени он опубликовал шесть романов, книгу мемуаров, несколько рассказов и очерков, которые были напечатаны в престижных журналах «Нью-Йоркер» и «Атлантик».

-В статье делается попытка проследить, как при помощи культурно-исторического и биографического методов исследования и метода пристального прочтения можно обнаружить в творчестве

писателя переплетение различных культурных кодов, отсылок к советскому прошлому и «ностальгию по настоящему», что ведет к воспроизведению американских стереотипов об СССР и советских стереотипов об Америке, которые продолжают функционировать в сознании людей даже после распада СССР. Сам писатель определяет книгу как «иммигрантский роман, возникший в эпоху глобализации», рассказывающий «о том, как люди кочуют от старой родины на новую и обратно»² [3, с. 3].

Основная часть

Культурная гибридность стала важным маркером как самого писателя, так и его героев, для которых вопрос идентификации становится ключевым, что проявляется и в выборе языка художественного творчества. В отличие от многих авторов русскоязычной диаспоры в США, которые пишут по-русски, он, подобно нескольким другим выходцам из СССР (Катя Апекина, Лара Вапняр, Аня Улинич, Ирина Рейн, Борис Фишман), участвует в создании англоязычной литературы русско-еврейской диаспоры, где американское «сегодня» поверяется «вчерашним советским», не исчезающим из памяти. Американский литературовед проф. Е. Фурман считает, что «эту литературу объединяет особое внимание к опыту/опытам иммигрантов и личностный культурный и лингвистический гибрид, который заключен в этом опыте» [4, р. 20]. Несмотря на существенный американский антураж в этих книгах, они основаны на российских реалиях, которые отражаются в географической локализации, многочисленных исторических и культурных отсылках, аллюзиях, мифологических героях, заимствованных из русского фольклора, описании русских традиций и обычаев, именах исторических особ, деятелей искусства и литературы, использовании русских слов в английской транскрипции, различных фраз и поговорок, которые нередко употребляются в ироническом контексте.

Среди других известных «транслингвистических» писателей можно упомянуть Джозефа Конрада, Ежи Косиньского, Милана Кундера, Андрея Макина, Феридун Заимоглу, которые принципиально избрали языком своих произведений -«приобретенный» язык своей новой родины. Штейнгарт понимает сложность своей ситуации как писатель и как личность: он находится внутри двух культур, и обе оказываются одинаково значимыми для

него, и потому это «срединное» положение усложняет его видение мира. С одной стороны, родной язык и в некоторой степени миропонимание (через родителей) унаследованы от СССР, а с другой – «приобретенный» язык и новые морально-этические установки сформировались уже в США, и это определяет его взгляды и их художественное воплощение: внимание к русскому культурному наследию и укоренение в другой культурной и языковой среде. Он признается: «Сегодня такие, как я, русские по рождению и американцы по образованию, не нуждаются в какой-то единой, эксклюзивной идентичности. Одинаково чувствующие себя дома (и одинаково бездомные) в обеих культурах, мы глобальные граждане все расширяющегося мира без границ» [5, р. 290].

На русский язык переведены три его романа: «Приключения русского дебютанта» (2004); «Абсурдистан» (2007) и «Супергрустная история настоящей любви» (2012). Переводы были выполнены не автором, что по-своему показательно: книги были предназначены прежде всего западной аудитории и прочитываются как сатира на советскую систему и быт, в то время как позиция самого писателя более сложна и драматична, что с особой силой проступает в романе «Абсурдистан». Здесь его герой – иммигрант из Советского Союза, стремящийся укорениться в новой стране и не желающий довольствоваться ролью человека из-за кулис. Штейнгарт пишет, что его персонаж, как, вероятно, и сам автор, «считает себя американцем в теле россиянина» [6]. Писатель предстает в роли медиатора между культурами. Американский литературовед и переводчик проф. Э. Глазер задается вполне резонным вопросом: «... не следует ли нам читать этих писателей (имеются в виду американские русско-еврейские писатели – Ю.С.) не только как американских авторов, но также как и интерпретаторов русской культуры?» [7, р. 18].

Не менее важной составляющей художественного мира писателя является и его связь с еврейской культурной традицией, особенно Ш. Алейхемом и И. Бабелем, которая прежде всего проступает в едкой иронии и «смехе сквозь слезы», что особенно характерно для романа «Абсурдистан». В результате в его текстах возникает причудливая взаимосвязь трех культурных слоев, отражающих сложный опыт советского еврея-иммигранта в США, оказавшегося в сложном водовороте распадающегося советского мира. В интервью писательнице и литературному критику Ф. Проуз после публикации мемуаров «Маленькая неудача» Штейнгарт объяснил: «Проз: Книга

такая напряженная и очень смешная. Но такая грустная, Гэри Штейнгарт: Это наследие. Та самая русская, еврейская, ашкенази вещь. О боже, жизнь – дерьмо, но все равно типа смешно» [8].

В его романах перемешиваются различные элементы советской, еврейской и американской действительности, благодаря чему возникает весьма своеобразный взгляд на сегодняшний резко меняющийся мир. Штейнгарт передает своим героям трехвалентную идентичность, и они создают свои новые стереотипы, основываясь на советских мифах об Америке и нереализованных желаниях советского иммигранта.

Все вышесказанное объясняет, почему Штейнгарт занимает особое место в современной литературе США. Роман «Абсурдистан» был напечатан в 2006 г., когда на обломках бывшей советской империи шло становление новых государств, сопровождавшееся этническими войнами, религиозными конфликтами, экономическим хаосом, разрывом связей между разными частями бывшего СССР. Он рисует, как многие годы замалчиваемые этнические проблемы, остававшиеся нерешенными на протяжении десятилетий, начали выстреливать с распадом СССР, знаменуя не только драматические последствия конца советской эры, но и их влияние на весь мир, когда бывшие советские республики заявили о своем праве на голос в полиэтническом глобализованном современном мире.

В центре повествования – злоключения Миши Вайнберга, молодого человека весом в 325 фунтов по прозвищу Папаша Закус (Snack Daddy), гордого сына нового русского олигарха. Читатель оказывается в Санкт-Петербурге конца XX века, который он называет то Санкт-Петербургом, то Санкт-Ленинбургом, где происходят бандитские разборки и где резко заметным стало социальное неравенство между простыми тружениками и главарями мафиозных групп, борющихся за передел рынков. Отец героя, «Любимый Папа, настоящий “гангстер” моей жизни» (“gangsta” in my life) [9, p. viii], погибает от рук мафии в ответ на убийство американского бизнесмена из Оклахомы, в силу чего Мише американское посольство отказывает в визе для въезда в США, где после учебы в американском колледже его ждет Руанна, «любовь всей моей жизни» [9, p. 9]. Чтобы купить бельгийский паспорт, дающий право безвизового въезда в США, герой должен отправиться в вымышленную страну Абсурдистан на берегу Каспийского моря. Однако после его приезда в стране вспыхивает война из-за

каспийской нефти, которой хотят владеть разнонаправленные силы, в том числе и американские корпорации, и Миша оказывается втянутым в драматические события. География романа обширна: это и Ленинбург, и Южный Бронкс, и северо-западный американский студенческий городок, и Венский международный аэропорт, и столица Абсурдистана, и Давидово, деревушка на его окраине, населенная горскими евреями, спасающими Мишу, и Горбиград, но везде героя терзает чувство бездомности, которого он не испытывает лишь в Бронксе, где живет любимая женщина. Оказываясь в разных местах, Миша сталкивается с людьми разных национальностей, религий, политических убеждений, ежеминутных желаний и приходит к пониманию, что нередко конфликты и проблемы являются результатом сил, контролировать которые сам человек не в состоянии. Он должен пройти через многочисленные испытания прежде, чем поймет, кто он такой, и обретет чувство принадлежности к какому-то сообществу или группе.

На помощь ему в осознании себя приходит его учеба в США, где он занимался мультикультурализмом, предполагающим толерантность и терпимость людей, принадлежащих к разным культурам. Он усвоил тезис о равноправии культур, который он пытается воплотить в жизнь в Абсурдистане, став там Министром мультикультурных дел. В то время как его отец всячески подчеркивает, что он еврей, Миша признает свое происхождение только когда он оказывается в Абсурдистане, где высоко чтят его отца-мафиози, но настаивает, что он «глубоко светский еврей» [9, р. vi] и не придерживается еврейских традиций и ритуалов, из-за чего обрезание, которому он подвергается по требованию отца, становится травматическим опытом для него. В разговоре он постоянно сбивается с английского на русский, перемежая речь русским матом, а идишем владеет только поверхностно, так как в семье на нем не говорили: в СССР были ограничительные меры в отношении евреев, чью национальность фиксировал паспорт с его печально известной пятой графой. В детстве Мишу особенно не волновало его происхождение, и только в Абсурдистане он начал понимать, как важно для человека иметь идентичность, т. е. четкое представление о себе и своих корнях, что было неважно, пока был жив его отец, богатейший олигарх в новой России. Теперь проблема идентичности вышла на передний план, поскольку он постоянно ощущает, что он аутсайдер и в культурном, и в социальном отношении, и это

используется его окружением в виде различных манипуляций за его спиной, которые он не всегда замечает, будучи по натуре наивным человеком. Особенно это проявляется со стороны т.н. «новых» богатеев Нанабраговых, которые контролируют ситуацию в стране, охваченной гражданской войной в борьбе за обладание каспийской нефтью, т. е. властью над регионом. Господин Нанабрагов, глава семейства, уже более не похож на советского еврея, возникшего «как молчаливое существо, слова которого было невозможно понять на родном языке этой фигуры, а становились доступны только при помощи искажающей линзы перевода» [2, р. 105]. Теперь, когда он обладает реальной властью денег, он может распоряжаться жизнями чужих людей.

Слово «Абсурдистан» в отношении новой постсоветской страны приобретает в романе уничижительное значение. С одной стороны, корень слова «абсурд» – значит нелепость, бессмыслица, а суффикс «стан» (от персидского *stā-*) в названиях стран Центральной Азии (в том числе бывших советских республик Азербайджан, Киргизстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан) означает «страна», в результате чего «Абсурдистан» можно читать как «страна абсурда». Именно в этих регионах бывшего СССР после распада страны произошли массовые столкновения и межэтнические конфликты. С легкой руки В. Гавела это слово использовалось для «иронического названия страны, в которой абсурдные вещи стали нормой, особенно в политике и правительстве» [10]. В словаре оно маркировано как «неформальное, юмористическое, пренебрежительное», и именно так оно воспринимается в контексте романа. Все, что происходит в стране, лишено смысла: война между двумя этносами, уничтожающими друг друга, взаимоотношения КГБ и ФБР, олигархов в России и Абсурдистане, любовная связь Миши и Нанабраговой, которой нужны лишь его деньги, враждующие группировки элит, за которыми стоят американские магнаты, российские дельцы, британцы... Деньги на войну дают враждующие олигархи, которые, однако, хитро связаны друг с другом и которые не собираются решать этнические проблемы, ставшие причиной войны. На самом деле это мошенники, представляющие себя борцами за светлое будущее Абсурдистана. У всех свои цели, и только Миша, верящий в мультикультурализм, видит утопичность своей веры и оказывается на грани смерти. Писатель говорил: «Он самый глобализированный человек, каким он и хочет быть. Все другие

идентичности: националистическая, религиозная, даже идентичность как сына своего отца – так важны для него. Самое легкое – это выйти из игры и быть миром – Мы мир (We are the world), как говорилось в той песне. Я – мир, или я проглочу его» [11, р. 30].

Это остросатирический роман, напоминающий о Ф. Рабле: огромный Миша пожирает тонны еды и поглощает литры алкоголя, а потом занимается сексом. Штейнгарт прямо называет ожиревшего героя «сонным русским Гаргантюа» [9, р. 28], который, проснувшись, может стать свирепым и жестоким. Сложность его характера происходит из обстоятельств жизни: детство в СССР, а затем учеба в США, потом возвращение уже в новую Россию и невозможность вернуться в Нью-Йорк. В нем отсутствует цельность; везде он бездомен. Он с отвращением видит последствия советского образа жизни на постсоветском пространстве, когда в постперестроечные годы стали очевидны темные стороны прошлого, но столь же уродливыми оказались и плоды нового времени: безработица, мошенничество, одиночество, бедность огромного числа людей, беспросветность. Едва ли не все основные персонажи мечтают бежать из дома в надежде найти какую-то другую, более светлую жизнь, какой рисуется жизнь за океаном. Когда во время сна Миша пролетает над «горизонтальными и вертикальными очертаниями» Нью-Йорка, они кажутся ему «последним местом упокоения коллективным надеждам нашей цивилизации» [9, р. 35]. Ему необходимо вернуться в США, и он умоляет начальников иммиграционной службы (the INS generals):

«Пожалуйста, господа.

Я говорю им, как ребенок. *Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста*» [9, р. 35] (курсив Штейнгарта – Ю.С.).

Ему нужно выбраться из Ленинграда, когда-то имперской столицы, «города царей, Северной Венеции» [9, р. 3], который за годы советской власти потерял свой блеск и величие и стал серым и провинциальным. Это город, из которого исчезла надежда: «Санкт-Петербург – это отстой, город, затерявшийся в тени нашей трепетной столицы Москвы, которая и сама только мегаполис третьего мира, балансирующий на грани какого-то эффектного исчезновения» [9, р. 74]. Люди живут воспоминаниями о прошлом величии, вместо которого бросается в глаза неустроенность; между ними больше нет духа товарищества, зато налицо пропасть между непомерно богатыми и нищими. Мишу поразило вид детишек из детского сада № 657:

«крошечные, как херувимчики, со славянской внешностью, они стояли на углу многолюдного Большого проспекта с этими идиотскими красными флажками. А из их пухленьких личиков вырывались маленькие облачка пара, как мысли маленького ребенка, боровшегося с невероятным холодом» [9, р. 37], и это зрелище так действует на него, что он сразу превращается из циничного обрюзгшего сына олигарха, для которого важны только сиюминутные желания, в человека с добрым сердцем, полным сострадания к чужому горю: «временная передышка от алкоголизма, распутства, болезни сердца и депрессии» [9, р. 37]. Миша чувствует отвращение и раздражение от того, что он видит вокруг, и это проявляется и в том, что он задумывается о том, как может жить русская женщина на тридцать долларов в месяц, когда он «может заказать бутылку Ротшильда за 1150 долларов» [9, р. 75]. Всеобщая разруха и стремление хоть как-то помочь людям в это трудное время заставляют его основать фонд «Мишины дети» в надежде, что детишки *«станут человеческими существами, оставив позади юность»* [9, р. 37 курсив – G. Shteyngart]. Он еще не знает, что ждет их и его самого, хотя во время погромов и разбоя в Абсурдистане увидит «что-то советское – то, как медленно на глазах других уничтожается достоинство человека» [9, р. 151]. Не имеет значения, когда происходит действие. Время как будто остановилось; осознание конца советской эпохи стало травматическим опытом для миллионов людей. На могиле матери были прописаны даты: 1939–1983. «С тысяча девятьсот тридцать девятого до 1983. От Сталина до Андропова. Жить в такое жалкое время» [9, р. 44].

Теперь красота Северной Венеции разъедается ржавчиной «постапокалиптического выступа гостиницы «Советская», гостиницы, окруженной симметричными рядами желтоватых сырых жилых домов, домов, которые в свою очередь окружены ржавеющими будками, беспорядочно рекламирующими пиратский склад компакт-дисков, случайным казино «Миссисипи» («Америка далеко, Миссисипи рядом»), киоском по продаже контейнеров с крабовым салатом, забегаловкой с обычной сирийской шаурмой, от которой неизменно несет пролитой водкой, прокисшей капустой, а еще какой-то непонятной мерзостью» [9, р. 50]. В этом мрачном описании постсоветского Санкт-Петербурга Штейнгарт беспощаден в нанизывании все новых и новых деталей деградации и разрушения когда-то прекрасной столицы, у которой мало шансов выжить на фоне

всеобщей разрухи и хаоса. Вряд ли случайно повторяются слова «гостиница», «дома», «окруженный» и используются отрицательные эпитеты, рисующие упадок; кульминацией становится заключительная фраза: «непонятная мерзость» (*vague, free-floating inhumanity*), отсылающая к злобности, жестокости, анархии и передающая общую атмосферу города. По Штейнгарту «нация пронырливых крестьян» оказалась «выброшена в неуютную современность» [9, р. 6], в которой они не могут найти своего места: уже нет предсказуемости советского бытия, зато есть хаотичное и непонятное капиталистическое настоящее. Писатель воспроизводит некоторые из стереотипов, характерных для западного восприятия России: коррупция, мафия, суеверия, ужас, дикость, грубость русских как нации в целом. Как остальные ленинбургские персонажи романа, Миша много пьет (стереотип: русские всегда пьяны), а под воздействием алкоголя в нем пробуждается «загадочная русская душа», благодаря чему он совершает то, на что американцы никогда не способны. Сосредоточив внимание на его сходстве и разнице с бывшими соотечественниками Миши, писатель обнаруживает противоречивость и сложность его внутреннего мира. Несмотря на то, что он уехал из СССР в раннем возрасте, он воспитан на русской культуре, и потому в его разговорах и размышлениях постоянно возникают отсылки к русским литературным образам, писателям, архитектуре и т.д. в противопоставлении с американской культурой. И. Гончаров, Н. Гоголь, И. Тургенев, Ф. Достоевский соседствуют с Ф. Ротом и другими иконами американской культуры. А сам он в своей лени уподобляется гончаровскому Обломову; то вдруг обнаруживает сходство с князем Мышкиным. Любочка, жена его отца, напоминает ему то «современную Анну Каренину, то эту глупую озорницу Наташу из «Войны и чего-то там еще» [9, р. 89]. Но она – не тургеневская Фенечка! Упрощенные представления о нации, основанные на стереотипах и предрассудках, которые он разделяет с бывшими соотечественниками, и сдобренные литературными ассоциациями, выглядят противоречащими поступкам героя, но, с другой, представляют драму человека, который находится между двумя мирами, в каждом из которых есть как свои ценности, так и свои недостатки.

После лет, проведенных в США, он оказывается на бывшей родине, где все резко изменилось, и все неустойчиво и мрачно. Сын олигарха оказывается среди людей, которые видели крушение

советской империи и были вынуждены начать жизнь сначала, где их ждали непредвиденные обстоятельства и возможные неудачи. И вновь парадокс: средства массовой информации и поп-культура рекламируют продукты западной культуры; по городу носятся ауди олигархов с охраной, для которых не существует законов. Они могут наслаждаться всем, что дает богатство, и это в корне противоположно тому, как живут обычные жители великого города со скромным достатком, а то и вовсе без средств к существованию. Многие пытаются искать счастья за границей, куда теперь открыт путь, только чтобы не видеть того, что происходит на родине, где все прелести роскошной жизни доступны лишь немногим, кто сделал свое состояние на нищете простых людей. Все эти шикарные автомобили, казино, рестораны «Дом русского рыбака», гламур, светские рауты и т.п. предназначены только для олигархов и их жен и любовниц в мехах и драгоценностях на сотни тысяч долларов. Герой чувствует обиду за обездоленных людей, у которых он не видит будущего, и понимает антиамериканские и антизападные настроения обычных людей, причем это касается не только русских, но и граждан бывшего СССР, например, армянина Зартарьяна и его матери, людей на улице и т.п. Он обвиняет американцев в бездуховности, самомнении, ханжестве, невежестве относительно всего, что не касается Америки, повторяя национальные стереотипы в сознании русских относительно США, которые, как и все такие стереотипы, поверхностны и банальны, но Америка стала дорога ему, там нет всего того ужаса, который он видит в России, и он стремится вернуться в Южный Бронкс к любимой женщине.

Штейнгарт использует яркие сатирические краски, когда Миша начинает обличать и постсоветскую, и американскую действительность. Вообще большинство персонажей романа напоминают карикатуры, и даже в Мише присутствуют некоторые карикатурные штрихи, что подчеркивается описанием его внешности и привычек. Но при этом образ Миши более глубоко прописан, в нем нет схематичности, которая присутствует в образах капитана КГБ Белугина, Олега Лося, сифилитика Жоры или семейства Нанабраговых; его ирония и сарказм вызваны грустью и меланхолией, порожденными несоответствием реальности и идеала. Ведь он мультикультуралист, филантроп и легкоранимый человек, как он сам себя определяет. В результате создается образ непростого человека, который остро чувствует несовершенство действительности по обе

стороны Атлантики. Благодаря этому, роман проникнут «своеобразным юмором, смешанным с острым пониманием абсурдности современного мира» [11, р. М4].

Событийная канва романа обусловлена историческими и культурными событиями начала XXI века. Особое место в нем отводится положению в Абсурдистане, где вспыхивает военный конфликт, в который оказываются втянуты мировые державы. После распада СССР больше нет мощной силы, которая бы удерживала регион с богатой нефтью под своим контролем, чем и пытаются воспользоваться мировые корпорации, прежде всего американские, на что намекает название нефтяного гиганта «Галлибертон» (искаженное от «Халибертон», одной из крупнейших транснациональных нефтесервисных компаний со штаб-квартирой в Техасе). Используя этнические противоречия, элиты Абсурдистана ввязываются в кровопролитные действия, опираясь, каждая, на военную силу США, Великобритании, России и других стран. Не случайно первой жертвой войны стал город Горбиград, возникший недавно как символ примирения между этносами Абсурдистана и ассоциирующийся с именем президента Горбачева (Горби). Это «тот человек, которого местные *по-прежнему* обвиняют за все, что случилось» [9, р. 138, курсив Штейнгарта – Ю.С.]. Этот город должен был демонстрировать глубокие перемены в жизни страны, связанные с именем М.С. Горбачева: демократизацию общества, гласность, конец религиозным и этническим распрям. Но роман писался в 2006 году, когда уже всюду проявились конфликты внутри и на границах бывших советских республик: между Арменией и Азербайджаном, в Грузии, Молдавии, Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, и многие винили в этом Горбачева. Штейнгарт понимает, сколь серьезные проблемы возникли с распадом огромной державы, и показывает, кто участвует в дестабилизации Абсурдистана, какие силы обстреливают Горбиград. Миша видит, как тысячи беженцев пытаются добраться до отеля Хайатт в надежде выбраться из страны в то время, как другие тысячи лежат убитыми на улицах; одна правящая группировка сменяет другую, а за всем стоит «Галлибертон»... Можно согласиться, что «каким-то образом Абсурдистан действительно агонизировал в муках глобализма, когда развалилась вся колода карт» [12, р. 30]. Только увидев смерть людей, огромные разрушения и ожесточенность со всех сторон, Миша раскрывает глаза на несчастья мира и начинает задумываться над

прошлым, своими отношениями с людьми, которые манипулировали им в стремлении овладеть его миллионами, и обнаруживает темные стороны жизни, как и осознает политические игры мировых держав: «Смерть в конфликте в Абсурдистане уже достигала трех тысяч, а американский электорат все равно не мог найти Каспийское море на карте...» [9, р. 317–318]. Бывшая супердержава все еще считает Абсурдистан своей провинцией, а американцы стремятся заключить хорошую сделку, оставаясь за спиной Нанабрагова, который в общем-то и стал архитектором этой бойни. И Миша мечтает о спокойной жизни в Брюсселе, «в этой тихой европейской неопределенности. Это цена жизни в цивилизации, подальше от сумятицы и предательства и Америки, и Абсурдистана» [9, р. 317–318].

Но он не может не признать роль США в современном мире, понимая комфорт жизни там, одновременно признавая ее высокомерие и безразличие к судьбам других народов. Мистер Нанабрагов комментирует роль межнациональных корпораций: «Сегодня, если у вас нет ресурсов, вам нужно Агентство международного сотрудничества США USAID. Вам нужен Европейский банк реконструкции и развития. Вам нужны «Келлог, Браун и Рут»» [9, р. 311], и потому важно найти сильного, на которого можно положиться. И не имеет значения, что в борьбе за обладание ресурсами гибнут люди. Он цинично признает, что во время Холодной войны «о нас заботилась Москва. Но сейчас мир меняется так стремительно, что, если ты отстал хоть на сантиметр, ты уже навсегда отстал» [9, р. 310], а потому бизнес должен быть всегда впереди, и он пошлет своих детей учиться в Америке, и они успешно обоснуются там. Для этого-то и нужны деньги. Мир мало изменился, хотя уже больше нет СССР, а США по-прежнему доминируют в мире. Кульминацией абсурда становится то, что после всех своих злоключений Миша садится на поезд, который должен доставить его в международный аэропорт, чтобы наконец вновь оказаться в Нью-Йорке, 10 сентября 2001 г., а 11 сентября там произойдут террористические акты, разрушившие башни Всемирного торгового центра. Сам писатель после выхода книги подчеркнул, что книга была написана после 11 сентября и «стала сатирой и гротеском не только богатого и жирного Миши Вайнберга, а еще всей системы сделок вокруг нефти даже госдепартамента США в какой-то мере» [6]. Нельзя не согласиться с проф. О.Б. Карасик, которая приходит к выводу, что «Абсурдистан – весь современный мир, в котором

рушатся любая логика и не существует никаких правил» [13, с. 195].

В постмодернистской игре с читателем Штейнгарт озаглавливает каждую главу, прямо давая понять читателю, как интерпретировать ее, причем, как правило, в этом большая доля иронии. Например, глава, описывающая похороны Любимого Папы, называется «Среди веселых плакальщиков» и повествует о том, как на кладбище приезжают его убийцы, которые с помощью капитана Белугина совершают сделку с вдовой и сыном погибшего. Ирония пронизывает весь роман. Постоянно вспоминая Любимого Папу, Миша признается: «Как я мог покинуть единственного человека, который по-настоящему любил меня. Река Нева вытекала из Финского залива, Нил из своей дельты, Гудзон из какого-то плодотворного американского источника, а я из своего отца» [9, р. 29].

Роман многопланов, в нем сходятся и расходятся различные сюжетные линии с обилием персонажей и географических локаций. Большое место в нем принадлежит историческим и культурным реалиям, отражающий русскую, советскую и американскую действительность, которые не только сталкиваются, но и развиваются параллельно, как например, образы Ленинграда и Нью-Йорка, русских и американских персонажей.

Заключение

Гари Штейнгарт принадлежит к поколению американских еврейских писателей, выходцев из СССР, которые избрали языком своих произведений «приобретенный» английский язык. Их творчество не укладывается в традицию русскоязычной эмигрантской литературы, поскольку корнями уходит в советский опыт, который в разном виде присутствует в их текстах, но и апробирует все, что дало им пребывание в США, включая определенный критицизм по отношению к новой родине, что особенно заметно в оценке действий США и американских корпораций на международной арене. «Абсурдистан» Штейнгарта характеризуется как политический сатирический приключенческий роман, в котором писатель высказывается по актуальным проблемам современности. Центральное место в передаче гуманистического начала в романе принадлежит главному герою Мише Вайнбергу, отражающему противоречивость и сложность осознания себя в современном конфликтном мире.

Примечания

¹ Все переводы с англ. выполнены автором статьи.

² Поскольку русский перевод романа представляется не всегда адекватным, цитаты из романа даются в переводе автора статьи Ю.В. Стулова.

Список литературы

1. Kellman S.G. Translingual Writers: Introductory Notes // Polylinguality and Transcultural Practices (Полилингвальность и транскультурные практики). 2019. № 16 (1). P. 9–12.
2. Sanderovich S. The «Soviet Jew» in Fiction by Russian Jewish Writers in America // Prooftexts. 2015. Vol. 35. No. 1. P. 98–132.
3. Штейнгарт Г. Абсурдистан / Пер. с англ. Е. Фрадкиной. СПб.: Амфора, 2007. 477 с.
4. Furman Y. Hybrid Selves, Hybrid Texts: Embracing the Hyphen in Russian-American Fiction // The Slavic and East European Journal. 2011. Vol. 55. No. 1. P. 19–37. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interviewmagazine.com/culture/gary-shteyngart> (дата обращения: 01.05.2025).
5. Shteyngart G. The New Two-Way Street // Reinventing the Melting Pot: The New Immigrants and What It Means to Be American / Ed. Tamar Jacobi. New York: Basic Books, 2004. P. 285–292.
6. Эмигрантский роман «Абсурдистан». Беседа с Гарри Штейнгартом. [Электронный ресурс]. URL: <https://golosameriki.com/a/a-33-2006-07-10-voa1/654540.html> (дата обращения: 03.02.2026).
7. Glaser A. Introduction: Russian-American Fiction // The Slavic and East European Journal. 2011. Vol. 55. No. 1. P. 15–18.
8. Prose F. Gary Shteyngart // Interview Magazine. Jan 5, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interviewmagazine.com/culture/gary-shteyngart> (дата обращения: 31.01.2026).
9. Shteyngart G. Absurdistan. London: Granta Books, 2006. 352 p.
10. Absurdistan. [Электронный ресурс]. URL: <https://sinonim.org/t/абсурдистан> (дата обращения: 28.01.2026).
11. Novakovich J. Coming to America // The Washington Post. May 7, 2006. P. M4.
12. Brown S. I Am the World, I'll eat the World: A Conversation with Gary

Shteyngart // World Literature Today. 2009. Vol. 83. No. 2. P. 28–32.

13. Карасик О.Б. Образ России в романе Гари Штейнгарта «Абсурдистан» // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 1. С. 187–197.

References

1. Kellman S.G. Translingual Writers: Introductory Notes. In: Polylinguality and Transcultural Practices. 2019. no. 16 (1), pp. 9–12. (In English)
2. Sanderovich S. The «Soviet Jew» in Fiction by Russian Jewish Writers in America. In: Prooftexts. 2015. Vol. 35. no. 1, pp. 98–132. (In English)
3. Shteyngart G. Absurdistan [Absurdistan] / Transl. from English by E. Fradkina. Saint Petersburg: Amfora Publ., 2007. 477 p. (In Russ.)
4. Furman Y. Hybrid Selves, Hybrid Texts: Embracing the Hyphen in Russian-American Fiction. In: The Slavic and East European Journal. 2011. Vol. 55. no. 1, pp. 19–37. URL: <https://www.interviewmagazine.com/culture/gary-shteyngart> (date of access: 01.05.2025). (In English)
5. Shteyngart G. The New Two-Way Street. In: Reinventing the Melting Pot: The New Immigrants and What It Means to Be American / Ed. Tamar Jacobi. New York: Basic Books Publ., 2004, pp. 285–292. (In English)
6. Emigrantskiy roman «Absurdistan». Beseda s Garri Shteyngartom [The emigrant novel «Absurdistan». A conversation with Gary Shteyngart]. URL: <https://golosameriki.com/a/a-33-2006-07-10-voal/654540.html> (date of access: 03.02.2026). (In Russ.)
7. Glaser A. Introduction: Russian-American Fiction. In: The Slavic and East European Journal. 2011. Vol. 55. no. 1, pp. 15–18. (In English)
8. Prose F. Gary Shteyngart. In: Interview Magazine. Jan 5, 2014. URL: <https://www.interviewmagazine.com/culture/gary-shteyngart> (date of access: 31.01.2026). (In English)
9. Shteyngart G. Absurdistan. London: Granta Books Publ., 2006. 352 p. (In English)
10. Absurdistan. URL: <https://sinonim.org/t/абсурдистан> (date of access: 28.01.2026). (In Russ.)

11. Novakovich J. Coming to America. In: The Washington Post. May 7, 2006, p. M4. (In English)
12. Brown S. I Am the World, I'll eat the World: A Conversation with Gary Shteyngart. In: World Literature Today. 2009. Vol. 83. no. 2, pp. 28–32. (In English)
13. Karasik O.B. Obraz Rossii v romane Gari Shteyngarta «Absurdistan» [The image of Russia in Gary Shteyngart's novel «Absurdistan»]. In: Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2018. Vol. 160. Book 1, pp. 187–197. (In Russ.)

STEREOTYPES AND REALITY IN THE NOVEL «ABSURDISTAN» BY GARY SHTEYNGART

Yu. V. Stulov

Stulov Yuri Victorovich, Candidate of Science (Philology), associate professor. Chair of the Board of «Society for American Studies». Until 2021 was chair of the World Literature Department at Minsk State Linguistics University. ORCID: 0000-0001-6395-2170; e-mail: yustulov@mail.ru

The article sets the goal to investigate the modes of depicting the spaces of Post-Soviet

Russia and the fictional country Absurdistan through the lens of perception of the main character Misha Weiberg. The novel is written by the American writer and native of the USSR Gary Shteyngart who has become one of the founders of the American Russian-Jewish literature made on the English language continuing the tradition of so-called “translinguistic” writers that means the authors who use an adopted language in their creativity. He, like his characters, is distinguished by the cultural amalgamation included Jewish, Russian and American components of identity. In his literary works he focuses on the lives of Russian-Jewish immigrants whose destiny brought them to different countries. The article attempts to trace how cultural-historical, biographical and close readings approaches allow revealing in the writer’s creativity the intertwinement of diverse cultural codes, references to the Soviet past and the “nostalgia for the present” that leads to reproducing the American stereotypes about the USSR and the Soviet stereotypes about America which keep functioning in conscious of people even after the collapse of the USSR. The results of the research come to the conclusion that combining sarcasm, grotesque, compassion directed to people, who

screwed by fate in opposite to frauds taken the advantage of the collapse of the USSR, Shteyngart creates the political satirical adventure novel which addresses complex problems of the contemporary world that is teared apart by contradictions..

Keywords: American Russian Jewish literature, Gary Shteyngart, cultural hybridity, translingual writer, identity.

УДК 821.112.2 (436).0

DOI 10.52452/3033-7771.2026.1(1).5

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДРАМА Г. ФОН ГОФМАНСТАЛЯ «ВЧЕРА»

© 2026

Ю.Л. Цветков

Цветков Юрий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета (г. Иваново, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5732-977X>; e-mail: jzvetkow@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 03.02.2026

Статья принята к публикации: 10.02.2026

Цель исследования – культурно-исторический анализ стихотворной драмы «Вчера» («Gestern», 1891) семнадцатилетнего австрийского поэта Гуго фон Гофмансталя (1874–1929) с точки зрения философского представления о мире, характерного для «конца века». Первоначально философская система главного героя драмы – мимолетного человека Андреа – содержала четкую формулировку импрессионистических категорий. В онтологическом плане – это представление о субъективно-идеалистическом бытии (мир есть мое представление о нем). В области гносеологии способ достижения истины зависел от изменчивой смены настроения Андреа. Аксиологическая значимость такого знания была кратковременной. В статье подчеркнуто, что причиной краха импрессионистического мировосприятия Андреа стала измена его возлюбленной Арлетты, когда появилась новая для Андреа категория длительности, нашедшая отражение в чувстве ревности. Новизна статьи состоит в выдвигании на первый план мировоззренческого прозрения героя и в уточнении жанровой принадлежности драмы Гофмансталя. Поскольку объективная реальность сделала Андреа несчастным, а в основе конфликта лежала воля Андреа к серьезному познанию мира, то определение драмы